

Д 41

Книгоиздательство „ТРУДЪ и ВОЛЯ“.

Проворанъ 1866

А. К. Дживелеговъ.

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ
ГРАЖДАНЪ
ВЪ ПРАВОВОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

ЦѢНА 3 КОП.

Складъ изданій: Москва, Моховая, д. Бенкендорфъ, книжный
магазинъ Д. П. Ефимова.
1906.

XXIVБ
Д-41

Книгоиздательство „ТРУДЪ и ВОЛЯ“.

А. К. Дживелеговъ.

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ

ГРАЖДАНЪ

ВЪ ПРАВОВОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

Складъ изданій, Москва, Моховая, д. Бенкендорфъ, книжный
магазинъ Д. П. Ефимова.
1906

05
1999

1987г.

БИБЛИОТЕКА
Всесоюзного
научно-исследовательского института
Совetskого законодательства

БИБЛИОТЕКА
Всесоюзного института
юридических наук

W 32769

**Права и обязанности гражданъ въ право-
вомъ государствѣ.**

I.

Признаніе государствомъ за гражданами опредѣленной суммы правъ, ограниченіе которыхъ допустимо лишь по суду, является однимъ изъ признаковъ правового государства. Правовымъ или конституціоннымъ государствомъ называется обыкновенно такое государство, въ которомъ народъ, во-первыхъ, принимаетъ участіе въ составленіи законовъ. Это значитъ, что выборные народа, засѣдающіе въ законодательномъ учрежденіи страны, въ парламентѣ, имѣютъ право выносить окончательное рѣшеніе по различнымъ вопросамъ законодательства. Если народнымъ представителямъ предоставлено только право совѣщательнаго голоса, т. е. если они могутъ лишь высказывать свое мнѣніе по законодательнымъ вопросамъ и лишены рѣшающаго голоса, то такой порядокъ не есть порядокъ конституціонный. Обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда народу предоставлено

право участія въ законодательствѣ съ рѣшающимъ голосомъ, онъ имѣетъ также и другое право, дополняющее его: онъ держитъ въ своихъ рукахъ контроль надъ исполненіемъ законовъ. Необходимость этого дополнительнаго права вытекаетъ изъ того, что народные представители не имѣютъ возможности сами исполнять создаваемые ими законы, а вынуждены довѣрять это дѣло спеціальнымъ должностнымъ лицамъ. Эти лица, съ министрами во главѣ, держатъ въ рукахъ такъ называемую исполнительную власть. Контроль за ними необходимъ, ибо безъ контроля всякое должностное лицо склонно обращаться въ чиновника, а совокупность носителей исполнительной власти — въ бюрократію.

Но ни законодательная власть народа, ни существованіе контроля за исполненіемъ законовъ, не обезпечиваютъ вполнѣ правового порядка. Исторія знаетъ примѣры, когда оба этихъ права признавались за гражданами, но тѣмъ не менѣе въ государствѣ царили формы настоящаго абсолютизма. Происходило это оттого, что за гражданами не были признаваемы такъ называемыя публичныя права, или права личной и общественной свободы.

Это и понятно. При отсутствіи свободы слова и свободы печати, при отсутствіи личной неприкосновенности, правительству ничего не стоитъ собрать такой парламентъ, который будетъ

во всемъ послушенъ его желанію. Неудобныхъ ему кандидатовъ и агитаторовъ оно можетъ легко заарестовать по самому вздорному обвиненію и продержать его въ тюрьмѣ до окончанія выборовъ; газеты, которыя выступаютъ противъ правительственныхъ кандидатовъ, могутъ быть подвергнуты запрещенію и инымъ административнымъ карамъ, избирательное собраніе можетъ быть разогнано полиціей, мѣстнымъ властямъ открытъ полный просторъ для самаго широкаго давленія; за подачею голосовъ можетъ быть учрежденъ тайный или явный надзоръ, и всякаго, кто голосуетъ не за того кандидата, котораго поддерживаетъ правительство, можетъ ожидать кара; подсчитываніе голосовъ очень нетрудно обставить такими условіями, которыя облегчаютъ фальсификацію результатовъ голосованія *). Конечно, при этомъ правительство получить такую палату, которая ему нужна и которая готова будетъ утвердить всякій законопроектъ, вносимый на ея разсмотрѣніе правительствомъ.

Вотъ почему для того, чтобы конституціонный порядокъ могъ считаться завершеннымъ, необходимо, чтобы дѣйствовали, притомъ не только на бумагѣ, а и на дѣлѣ, гарантіи личной и общественной свободы.

*) Во Франціи при Наполеонѣ III для этого выборы растягивали на два дня, и ночью по всей странѣ работали фальсификаторскія канцеляріи.

Такимъ образомъ, и при наладившемся теченіи государственной жизни въ конституціонной странѣ эти гарантіи имѣютъ огромное значеніе. Но особенно ярко выясняется ихъ роль при смѣнѣ режима, при переходѣ государства отъ абсолютизма къ правовому порядку. Такой переходъ рѣдко когда совершается вполнѣ гладко, въ средѣ населенія остается множество людей, лишенныхъ самыхъ первоначальныхъ понятій о правѣ и государствѣ, не понимающихъ смысла совершающагося переворота и по недоразумѣнію относящихся къ нему враждебно. Ихъ нужно и просвѣтить и обратить. Вотъ почему ученіе о правахъ человѣка и гражданина, провозглашенное авторитетными людьми (обыкновенно эту задачу беретъ на себя Учредительное Собраніе), становится могучимъ воспитательнымъ средствомъ и быстро разноситъ въ странѣ идею личнаго достоинства и политическое самосознаніе, которыя при полицейскомъ режимѣ бывають удѣломъ лишь немногихъ. Подданный становится гражданиномъ.

Что же представляютъ собою публичныя права человѣка или права личной и общественной свободы? Это — совокупность такихъ правъ, которыя даютъ гражданину свободу въ его дѣйствіяхъ, какъ отдѣльнаго лица, и въ его общеніи съ другими людьми. Къ числу правъ личной свободы относятся: личная и жилищная неприкосновенность, обезпеченіе тайны корре-

спонденціи, свобода профессіи и свобода передвиженія; къ числу правъ свободы общественной—свобода совѣсти, свобода мысли, свобода слова, свобода печати, свобода собраній, свобода союзовъ.

Для того, чтобы вся совокупность этихъ правъ сдѣлалась частью основного закона, конституціоннаго акта, въ какой бы то ни было странѣ, обществу приходится каждую скрижаль этихъ политическихъ заповѣдей отвоевывать у государства путемъ долгой упорной борьбы. Борьба эта длится уже многіе вѣка и не закончена до сихъ поръ. Она кончится въ тотъ день, когда во всѣхъ уголкахъ земного шара люди, какого бы цвѣта ни была ихъ кожа, получатъ возможность воспользоваться всѣми благами личной и гражданской свободы.

Неутолимая жажда политической свободы является на всемъ протяженіи исторіи одной изъ двигательныхъ пружинъ общественной жизни. Люди не всегда даже понимаютъ, почему имъ нужна свобода, но бессознательнымъ инстинктомъ они чувствуютъ, что въ свободѣ—жизнь, а въ подчиненіи грубой силѣ—смерть, и они идутъ, готовые положить голову за свободу. И какъ только жажда свободы сдѣлалась удѣломъ руководящихъ общественныхъ силъ, деспотизму настааетъ конецъ. При помощи сабель и нагаекъ, при помощи пуль и штыковъ этотъ конецъ можетъ быть отсроченъ, но от-

вратить гибель деспотизма и торжество свободы удавалось только тамъ, гдѣ большинству выгоденъ деспотизмъ. Свобода—это гласность, мѣшающая обдѣлывать темныя дѣлишки, обнаруживающая преступленія людей сильныхъ и богатыхъ, проливающая яркій свѣтъ на злоупотребленія чиновниковъ. Свобода — это путы, связывающія движенія враговъ общества и человѣконенавистниковъ. Свобода — это ручательство за то, что народныя деньги пойдутъ на дѣйствительныя нужды народа и что гражданъ не пошлютъ проливать кровь за преступленія разныхъ авантюристовъ. Свобода — это просторъ дарованіямъ и талантамъ, гибель всему злему и ничтожному, что ядовитымъ наростомъ пристаётъ къ общественному организму. Чѣмъ шире свобода, тѣмъ правильнѣе ростъ народной жизни, тѣмъ здоровѣе плоды общественнаго развитія.

Самыя прекрасныя страницы исторіи это тѣ, которыя изображаютъ намъ борьбу за политическую свободу. Тутъ мы встрѣчаемъ примѣры беззавѣтнаго героизма, высокаго одушевленія во имя идеала, горячей любви къ младшему брату, самопожертвованія во имя долга. А послѣднія строки этихъ страницъ доставляютъ глубокое удовлетвореніе: онѣ описываютъ побѣду тѣхъ, кто бился за свободу и униженіе защитниковъ деспотизма. Для Запада эта борь-

ба уже почти закончена. Свобода завоевана и дѣйствуетъ въ видѣ цѣлаго ряда конституціонныхъ законовъ. Здѣсь мы будемъ говорить главнымъ образомъ о тѣхъ изъ нихъ, которые обезпечиваютъ «публичныя» права человѣка.

II.

Идея личной свободы вышла изъ круга феодальныхъ отношеній. Организація общества въ средневѣковомъ феодальномъ государствѣ была такова, что король пользовался лишь частью государственной власти. Онъ былъ только первымъ между равными, и каждый изъ этихъ равныхъ, «пэровъ», бароновъ, былъ полнымъ государемъ въ своихъ владѣнiяхъ. Бароны обладали политической властью и одни они пользовались полной свободой. Народъ въ то время былъ крѣпостнымъ и не участвовалъ въ общественной жизни. Король не имѣлъ права вмѣшиваться въ личныя дѣла бароновъ и ограничивать такъ или иначе ихъ свободы, если его не уполномочилъ на то судъ пэровъ. И пока королевская власть была слаба, она съ этимъ мирилась, но окрѣпнувъ стала находить такой порядокъ неправильнымъ. Баронамъ приходи-

лось съ большими усиліями защищать свои права противъ посягательствъ окрѣпнувшей королевской власти. Не вездѣ имъ удавалось отстаять эти права, но въ той странѣ, гдѣ нѣтъ было побѣдоносно отраженъ, въ Англіи, бароны закрѣпили свою побѣду юридическимъ актомъ, носившимъ характеръ соглашения съ королемъ. Въ этомъ документѣ впервые излагается формула личной свободы. Великая Хартія Вольностей — 1215 года — грамота, подписаніемъ которой король Іоаннъ призналъ всѣ свои замыслы сокрушенными, содержитъ въ себѣ, между прочимъ, и такое постановленіе: т. е.: «Ни одинъ свободный человѣкъ не можетъ быть схваченъ или посаженъ въ тюрьму, или лишенъ правъ, или поставленъ внѣ закона, или инымъ какимъ способомъ обездоленъ, и не поидемъ мы на него, и не пошлемъ на него, иначе какъ *по приговору суда* его равныхъ или *по закону страны*». Въ этой формулѣ, конечно, учтены нѣкоторыя особенности политическаго міровоззрѣнія XIII вѣка. Она должна была дѣйствовать въ феодальномъ обществѣ, т. е. въ обществѣ, построенномъ на принципѣ неравенства, рѣзко раздѣляющемся на господствующихъ и подчиненныхъ. Идея свободы, понимаемой, какъ право, принадлежащее всѣмъ безъ исключенія, феодальному міровоззрѣнію была совершенно чужда. Тамъ свобода требуется исключительно для «свободныхъ». Такая оговорка

вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ отношеніямъ. На людей несвободныхъ или полусвободныхъ (большинство крестьянъ и часть городскихъ жителей) дѣйствіе этой статьи не должно было распространяться. Но если до сихъ поръ эти бессмертныя слова припоминаются такъ часто, то это потому, что въ нихъ впервые былъ провозглашенъ *принципъ* личной свободы. Принципъ этотъ всякое общество можетъ примѣнять согласно господствующимъ въ немъ социальнымъ воззрѣніямъ, но основное его содержаніе остается навсегда неизмѣннымъ. Это очень хорошо выяснилось на дальнѣйшей исторіи личной свободы въ Англіи. По мѣрѣ того, какъ тамъ падали сословныя перегородки и развивались демократическія идеи, огсворка, заключавшаяся въ словѣ «свободный», постепенно теряла смыслъ; и когда въ новой стадіи борьбы общества, стремящагося къ свободѣ съ правительствомъ, пытающимся ее задуть, пришлось вновь формулировать ту же мысль, то формула получила совершенно иной видъ. Она точнѣе, разработаннѣе и не содержитъ никакихъ ограниченій. Это — формула «*habeas corpus act'a*». Она найдена въ 1679 году въ такой моментъ, когда абсолютизмъ былъ уже побѣжденъ безповоротно, хотя самъ еще этого не признавалъ, и когда отъ его послѣднихъ судорожныхъ усилій нужно было отгородиться закономъ. Содержаніе этого закона вкратцѣ та-

ково. Всякій человекъ, арестованный безъ объясненія причинъ или кто нибудь другой, узнавшій объ этомъ, можетъ требовать представленія его (его «тѣла»*) въ судъ, и судья обязанъ подь страхомъ штрафа предпринять слѣдующія три дѣйствія: во-первыхъ, отправить немедленно въ мѣсто задержанія «указъ о habeas corpus», т. е. предписаніе о представленіи къ себѣ арестованнаго, во-вторыхъ, потребовать объясненіе причинъ задержанія и въ третьихъ разсмотрѣть дѣло и постановить приговоръ. До 1816 года дѣйствіе habeas corpus act'a ограничивалось только задержаніемъ за уголовныя преступленія. Въ 1816 году было издано дополненіе, силою котораго законъ былъ распространенъ и на всякое другое задержаніе. Лица, незаконно задержавшія человека или отдавшія приказъ о незаконномъ задержаніи или отказывающіяся повиноваться указу о habeas corpus, подвергаются, согласно этому закону, тяжелымъ штрафамъ. Вполнѣ понятно, что практика незаконнаго задержанія не можетъ процвѣтать при такихъ условіяхъ.

Другія націи по примѣру Англіи сейчасъ же послѣ побѣды надъ абсолютизмомъ вводили у себя такія же гарантіи личной свободы. Въ

*) Названіе habeas corpus происходитъ отъ словъ, заключавшихся въ латинскомъ текстѣ раннихъ указовъ о личной свободѣ: «habeas corpus od subii cōndum», т. е. возьми тѣло (заключеннаго) для представленія (намъ его, т. е. судѣ).

конституціи Соединенныхъ Штатовъ личная свобода защищена IV дополненіемъ къ конституціи, во Франціи эта гарантія содержится въ видѣ торжественной формулы въ Декларациіи правъ (§ 7) и въ видѣ юридической нормы въ первой же конституціи (конституція 1791 г. титуль I). Въ бельгійской конституціи это положеніе выражено такъ (ст. 7): «Личная свобода гарантирована. Никто не можетъ подвергнуться судебному преслѣдованію, кромѣ случаевъ, предусмотрѣнныхъ закономъ и въ законной формѣ. Кромѣ случаевъ захвата на мѣстѣ преступленія, никто не можетъ быть арестованъ иначе, какъ въ силу мотивированнаго приказа судьи, который долженъ быть предьявленъ или въ моментъ ареста, или не позже 24 часовъ». Подобныя же постановленія имѣются во всѣхъ конституціяхъ. Только большинство этихъ постановленій имѣютъ въ виду исключительно аресты по уголовнымъ дѣламъ и регламентируютъ условія простого полицейскаго ареста. Нѣкоторыя, впрочемъ, устанавливаютъ максимальный срокъ полицейскаго задержанія (датская, греческая, испанская).

Личная свобода не можетъ считаться обезпеченной въ достаточной степени, если государство не признаетъ за гражданами права на неприкосновенность жилища. Поэтому во всѣхъ конституціяхъ введены соотвѣтствующія постановленія. Англійскіе законы, на примѣръ, дозво-

ляютъ агентамъ государства проникнуть въ домъ частнаго лица въ трехъ случаяхъ: или если тамъ скроется преслѣдуемый преступникъ, или если возникнетъ предположеніе о томъ, что въ немъ совершается преступленіе (т.-е. если раздаются крики о помощи, слышится сильный шумъ и проч.), или, наконецъ, если обитателю дома грозитъ опасность отъ стихій (пожаръ, наводненіе и проч.). Когда вслѣдствіе требованій правосудія необходимо произвести обыскъ въ частномъ домѣ, то онъ совершается въ строго очерченныхъ границахъ. Англійскіе законы предписываютъ въ этомъ самую большую точность, четвертое дополненіе къ конституціи Соединенныхъ Штатовъ требуетъ, чтобы приказъ объ обыскѣ содержалъ подробное описаніе мѣста, гдѣ онъ будетъ производиться, а также лицъ и вещей, которыя при этомъ будутъ арестованы; испанская конституція постановляетъ, чтобы обыскъ непременно совершался въ присутствіи хозяина жилища или членовъ его семьи.

Какъ завершенія личной неприкосновенности, большинство конституцій требуетъ неприкосновенности переписки. Но, къ сожалѣнію, нигдѣ, даже въ Англии, практика не выработала соответствующихъ фактическихъ гарантій. Власти, прикрываясь соображеніями правосудія, болѣе или менѣе часто распечатываютъ па почтѣ письма частныхъ лицъ. Правда, пресло-

БИБЛИОТЕКА
Всесоюзнаго

научно-исследовательскаго ин-та
Советскаго законодательства

БИБЛИОТЕКА

Всесоюзнаго института
юридическихъ наукъ

н 32769

вугые черные кабинеты, существовавшіе вездѣ при абсолютномъ режимѣ и имѣвшіе главнымъ своимъ назначеніемъ обнаруживать «вредныхъ» лицъ, почти вездѣ упразднены, но вскрытіе частныхъ писемъ не вполне еще отошло въ область исторіи.

Эти три постановленія, особенно гарантіи личной и жилищной неприкосновенности, можно сказать, являются фундаментомъ общественной жизни. Исторіи «старого порядка» на Западѣ легко освѣтить этотъ вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли представить себѣ нормальное общество тамъ, гдѣ по первому доносу можетъ быть арестованъ и продержанъ въ тюрьмѣ совершенно неповинный человекъ; гдѣ лицо, на которое возложены отвѣтственные задачи, можетъ быть избито до полусмерти полиціей, гдѣ человекъ, вся вина котораго заключается въ томъ, что онъ не скрываетъ своихъ убѣжденій, можетъ быть сгноенъ въ сырыхъ крѣпостныхъ казематахъ; гдѣ никто не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что ночью въ его квартиру не ворвутся сыщики и жандармы, которые перецугаютъ до смерти его дѣтей, поставятъ все вверхъ дномъ и уйдутъ, объявивъ, что вышло недоразумѣніе; гдѣ нѣтъ даже возможности искать правосудія противъ шайки разбойниковъ, играющихъ жизнью, здоровьемъ и благосостояніемъ людей? Стоитъ припомнить подобные факты, въ изобиліи сообщенные истори-

ками стараго порядка во Франціи или режима, господствовавшаго въ Германіи при Меттернихѣ, чтобы вполнѣ оцѣнить благодѣянія личной свободы.

Къ правамъ личной свободы нужно отнести такъ же свободу передвиженія и свободу профессій. Прикрѣпленіе челоуѣка къ мѣсту было, во-первыхъ, пережиткомъ старыхъ экономическихъ отношеній, а во-вторыхъ, результатомъ того же политическаго гнета, который являлся отличительнымъ признакомъ полицейскаго государства. Затрудняя передвиженіе, заставляя при перемѣнѣ мѣстожителства запасаться спеціальными свидѣтельствами, оно преслѣдовало свои эгоистическія цѣли борьбы съ крамолой и внутренними врагами. Въ современномъ культурномъ государствѣ измѣнились и экономическія, и политическія условія, заставлявшія государство стѣснять передвиженіе, и люди получили почти полную свободу мѣнять мѣстожителство. Правда, и современное государство сохранило почти всюду одно условіе, которое можетъ разсматриваться какъ косвенное ограниченіе свободы передвиженія. Оно требуетъ, чтобы люди, имѣющіе право выбирать представителей въ палату, прожили нѣкоторое время на одномъ и томъ же мѣстѣ. Это ограниченіе объясняется тѣмъ, что въ современномъ культурномъ государствѣ господство принадлежитъ буржуазіи, которая относится съ недоуверіемъ

къ рабочимъ; она удерживаетъ это условіе активнаго избирательнаго права именно потому, что этимъ отстраняется отъ выборовъ часть рабочихъ, вынужденныхъ по условіямъ своихъ занятій кочевать съ мѣста на мѣсто.

Теперь не приходится много говорить о томъ, что человѣкъ воленъ избирать себѣ профессію. Единственнымъ ограниченіемъ свободы профессій, существующимъ въ современномъ культурномъ государствѣ, является требованіе спеціальнаго образованія; если та или иная профессія требуетъ извѣстной научной или иной подготовки и если отсутствіе подготовки можетъ оказаться вреднымъ для общества, то вполне естественно, что государство ставитъ гражданамъ это условіе. Врачъ, не изучившій серьезно медицину, можетъ отправить на тотъ свѣтъ своего пациента, инженеръ или архитекторъ настроить такихъ сооруженій, которыя могутъ рушиться и похоронить подъ своими развалинами много народу, адвокатъ плохимъ веденіемъ дѣла можетъ подвести подъ тяжелое уголовное наказаніе невиннаго человѣка или нанести матеріальный ущербъ правой сторонѣ и проч.

Что касается до промышленныхъ профессій, то въ этой области свобода совершенно неограничена. Такой порядокъ ведетъ свое начало съ французской революціи 1789 года, ко-

торая отмѣнила цеховой строй и ввела въ законодательство принципъ свободы промысловъ *). Изъ Франціи заимствовали принципъ свободы профессій и другія законодательства.

*) Цеховой строй, какъ извѣстно, совершенно не допускалъ свободы и былъ весь построенъ на принципѣ принужденія. Чтобы имѣть право заниматься ремесломъ, необходимо было записаться въ цехъ, и приемъ въ цехи въ послѣднее время ихъ существованія былъ обставленъ почти неодолимыми трудностями.

III.

Публичныя права человека не исчерпываются постановленіями о личной свободѣ. Ихъ дополняютъ постановленія о свободѣ общественной. Изъ числа правъ общественной свободы первой была отвоевана у государства свобода совѣсти, право вѣрить не по указкѣ, а по велѣніямъ собственнаго сердца. И это очень нетрудно понять. Область вѣры—интимнѣйшая сфера человѣческаго духа и труднѣе, чѣмъ какая-либо другая, переноситъ принужденіе. Поэтому, всюду, гдѣ была офиціальная вѣра, были и еретики, люди несогласно вѣрующіе. Въ христіанствѣ они стали появляться очень рано, а когда сложилась офиціальная католическая догма, римской церкви почти сейчасъ же пришлось принимать мѣры для искорененія ересей. Особенно оживилось еретическое и сектантское движеніе, начиная съ XIII вѣка вмѣстѣ съ ростомъ городовъ, этихъ очаговъ мате-

ріального благосостоянія и независимости духа. Отдѣльныя проявленія религіознаго свободомыслія сливаются мало-по-малу въ цѣлыя теченія, пока реформація не объединяетъ большинства изъ нихъ. Но добившись торжества, реформація измѣнила принципу свободы совѣсти, давшему ей жизнь, и новая церковь въ союзѣ съ государствомъ, въ свою очередь, стала преслѣдовать несогласно вѣрующихъ. Понадобились новыя героическія усилія для того, чтобы принципъ свободы совѣсти былъ признанъ государствомъ. Его первымъ торжествомъ была побѣда надъ правительствомъ радикальнаго сектантства въ Англіи (первая англійская революція). Когда же англійскіе сектанты стали переселяться въ Америку, то тамъ уже никто не спорилъ о томъ, имѣетъ ли право человѣкъ вѣрить согласно указаніямъ своей совѣсти или нѣтъ. И въ первыхъ же конституціонныхъ грамотахъ американскихъ англо-саксонскихъ государствъ, слившихся потомъ въ Соединенные Штаты, принципъ свободы совѣсти нашель полное признаніе; изъ конституцій Штатовъ онъ вмѣстѣ съ другими однородными постановленіями перешель во французскую Декларацію правъ человѣка и гражданина 1789 года, а потомъ въ текстъ европейскихъ конституцій.

Режимъ свободы совѣсти, осуществленный въ современномъ конституціонномъ государствѣ, складывается изъ слѣдующихъ положеній. Су-

ществованіе господствующей религіи не исключается, но каждый воленъ свободно выбирать себѣ религію, основывать новую, переходить изъ одной въ другую; каждый можетъ публично отправлять богослуженіе и говорить проповѣди въ духѣ своей религіи; лишь бы религіозные обряды не становились въ противорѣчіе съ уголовными законами, лишь бы проповѣдь не призывала къ дѣяніямъ противозаконнымъ; ограниченіе политическихъ и гражданскихъ правъ за принадлежность къ той или иной религіи не допускается.

Если въ странѣ нѣтъ господствующей религіи, если государство не покровительствуетъ ни одной изъ существующихъ въ странѣ религій, то въ такой странѣ, значитъ, осуществлено отдѣленіе церкви отъ государства—высшее выраженіе принципа свободы совѣсти. Этотъ режимъ существуетъ въ Соединенныхъ Штатахъ, Мексикѣ, нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи и готовится во Франціи. Вотъ какія постановленія мы находимъ по этому вопросу въ союзной конституціи Соединенныхъ Штатовъ. Никакого вѣроисповѣданія не должно требоваться для занятія должности или несенія какой-нибудь общественной службы въ Соединенныхъ Штатахъ (ст. 6 § 3). Конгрессъ не долженъ издавать никакого закона, которымъ вводилась бы государственная церковь (первое дополненіе). Конституціи Штатовъ прибавляютъ

еще и слѣдующія постановленія: никто не обязанъ принадлежать къ какой-нибудь церкви и имѣть религію; всякій можетъ мѣнять религію; дѣтей можно воспитывать въ какой угодно религіи и совсѣмъ безъ религіи; никто не обязанъ платить налоговъ на содержаніе церкви и ея служителей; всякій можетъ открыто исповѣдывать и защищать свои религіозныя воззрѣнія и отправлять соотвѣтствующіе религіозныя обряды.

Временами и при абсолютизмѣ въ Европѣ появлялись попытки установить свободу совѣсти; такъ Фридрихъ II Прусскій рѣшилъ дозволить каждому изъ своихъ подданныхъ «спасаться на свой фасонъ», т. е. исповѣдывать какую угодно религію. Но едва ли есть необходимость говорить о томъ, что при абсолютизмѣ всѣ эти гарантіи ничего не стоятъ, ибо обезпечены не закономъ, а личной волей монарха. Въ той же Пруссіи послѣ смерти Фридриха II-го свобода совѣсти кончилась и возобновились преслѣдованія за убѣжденія. Между тѣмъ, твердая гарантія религіозной свободы является однимъ изъ залоговъ правильнаго теченія общественной жизни. Если отсутствуютъ законныя гарантіи свободы совѣсти, никто не можетъ питать увѣренности въ томъ, что не станутъ съ инквизиторскими цѣлями докапываться до его священныхъ убѣжденій, что онъ можетъ вѣрить въ Бога и не вѣрить ни во что,

что атеизмъ не будетъ сочтенъ за преступленіе; человекъ, который вѣритъ не по указкѣ, при этихъ условіяхъ не обезпеченъ отъ того, что его отдадутъ на «исправленіе» продажному попу; секта, вся вина которой состоитъ въ нѣкоторыхъ уклоненіяхъ отъ обрядовъ господствующей церкви, должна скрываться и втайнѣ совершать свое богослуженіе, потому что ей не позволяютъ имѣть церкви; люди должны во время службы дрожать и думать о томъ, что вотъ-вотъ явится по доносу полиція и разгонитъ молящихся; люди, дарованія которыхъ могли быть полезны обществу, отстраняются отъ занятія должностей по религіознымъ соображеніямъ. Общество отъ всего этого терпитъ большой ущербъ, и вотъ почему борьба за свободу совѣсти носитъ обыкновенно такой острый характеръ.

Борьба за свободу мысли началась приблизительно тогда же, когда и борьба за свободу совѣсти; исходъ ея былъ такой же: церковь и государство, отрицавшія за людьми право вырабатывать себѣ научное и философское міросозерцаніе собственнымъ умомъ, должны были уступить. Теперь этотъ принципъ признанъ во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ. Въ нѣкоторыхъ конституціяхъ (напримѣръ, въ прусской) содержатся даже спеціальные параграфы, обезпечивающіе свободу наукъ и ея ученіямъ, но въ этомъ едва ли есть необходимость. Тамъ,

гдѣ обезпечены свобода слова и свобода печати, не можетъ не быть свободы мысли.

Абсолютное государство, какъ духовное, такъ и свѣтское, всегда боялось гласности. У него было такъ много недостатковъ, его дѣйствіями руководили столь явные эгоистическіе мотивы, что ему было какъ нельзя болѣе выгодно поддерживать въ большинствѣ населенія невѣдѣніе относительно излюбленныхъ имъ способовъ управленія. Поэтому, какъ только явилось книгопечатаніе, въ гнѣздѣ мракобѣсія того времени, въ папской куріи, сообразили, что оно можетъ оказаться неудобнымъ. Въ 1471 году при Сикстѣ IV была изобрѣтена цензура съ цѣлью разсматривать печатныя книги и уничтожать ихъ «вредное» дѣйствіе. Но первое время надзоръ за книгами былъ довольно неумѣлый; только папа Александръ VI додумался до составленія списка запрещенныхъ книгъ, и это облегчило задачу папскихъ чиновниковъ. Въ Римѣ отъ времени до времени составляли списокъ книгъ, знакомство съ которыми признавалось вреднымъ для добрыхъ католиковъ. А чтобы не было никакого соблазну, то папскія должностныя лица слѣдили за обществомъ и подвергали виновныхъ въ нарушеніи папскихъ постановленій различнымъ карамъ. Такъ какъ эта задача была довольно трудная, и папскіе дѣльцы не успѣвали, то папа просилъ свѣтскихъ государей оказывать ему услугу и слѣдить за вредными

книгами. Обыкновенно на это охотно соглашались, ибо печатная крамола могла и свѣтскому государству быть не менѣе опасной, чѣмъ духовному. Первый пришелъ на помощь церкви въ этомъ дѣлѣ императоръ Карлъ V. Потомъ техника цензуры усовершенствовалась, стали слѣдить не только за изданными уже книгами, но и за типографіями, чтобы не допускать даже опубликованія неудобнаго произведенія. Даже въ Англіи было на этотъ счетъ довольно скверно. Но за то въ Англіи же начали и борьбу съ цензурой. Первый ополчился на нее въ краснорѣчивомъ памфлетѣ «Ареопагитика» авторъ «Потеряннаго Рая», одинъ изъ величайшихъ гражданъ Англіи, поэтъ Джонъ Милтонъ. Ополчилось на цензуру и общественное мнѣніе; правительству пришлось уступить и съ конца XVII вѣка цензурныя гоненія утратили свою силу. Преступленія, совершенныя черезъ печать, сдѣлались подвѣдомственны уголовнымъ судамъ. Но другія страны долго еще несли бремя цензуры послѣ того, какъ Англія отъ него избавилась. Во Франціи до великой революціи господствовалъ тотъ порядокъ, который такъ неподражаемо высмѣялъ Бомарше въ «Свадьбѣ Фигаро». «Въ Мадридѣ,—говоритъ онъ, подразумѣвая, конечно, французскіе порядки,—установилась свобода печати. Подъ условіемъ, чтобы я не касался ни властей, ни религіи, ни политики, ни нравственности, ни

чиновныхъ лицъ, ни почитаемыхъ сословій, ни оперы, ни другихъ зрѣлищъ, ни лица, имѣющаго какое-нибудь значеніе, я могу свободно печатать что угодно подъ наблюденіемъ двухъ или трехъ цензоровъ». Когда въ XIX вѣкѣ періодическая печать стала получать большое распространеніе, цензура обратила свое аргусово око главнымъ образомъ на нее. Двѣ первыя трети XIX вѣка съ небольшими перерывами почти повсюду на европейскомъ континентѣ царилъ то открытый, то замаскированный цензурный гнетъ. Только съ 70-хъ годовъ начинается эра настоящей свободы печати. Остатки прежняго цензурнаго режима кое-гдѣ существуютъ, но они не имѣютъ никакого значенія. Свобода печати, конечно, вовсе не означаетъ, что можно печатать рѣшительно все, что кому бы то ни было придетъ въ голову. Она означаетъ только, что противозаконныя дѣйствія, совершенныя путемъ печати, караются такъ же, какъ противозаконныя дѣйствія, совершенныя помимо нея, т. е. уголовнымъ порядкомъ. Тамъ, гдѣ свобода печати существуетъ, печать не знаетъ административныхъ каръ. Въ большинствѣ государствъ надзоръ за печатью ограничивается мѣрами, предупреждающими возможность уклоненія отъ уголовной отвѣтственности. Для этого законъ требуетъ, чтобы на каждомъ печатномъ произведеніи была указана по крайней мѣрѣ типографія, гдѣ

оно печаталось, или имя издателя. Нѣкоторыя конституціи содержатъ положительное запрещеніе издавать законы, ограничивающіе свободу печати. И это вполне понятно. Современное культурное государство не можетъ существовать безъ свободной печати. Еще въ началѣ XIX вѣка писатель далеко не либеральнаго образа мыслей, французъ Бональдъ, сказалъ: «Государство можетъ быть приведено въ смятеніе вслѣдствіе того, что говорятъ газеты, но оно можетъ погибнуть вслѣдствіе того, что онѣ молчатъ». И если первую половину этой фразы можно принять лишь съ оговоркою, то вторая половина ея совершенно правильна. Еще большее значеніе свободѣ печати придавалъ англичанинъ Шериданъ, знаменитый писатель и политикъ конца XVIII и начала XIX вѣка. «Лучше, говоритъ онъ, быть безъ парламента, чѣмъ безъ свободы печати; лучше отказаться отъ отвѣтственности министровъ, отъ личной неприкосновенности, отъ права утвержденія налоговъ, чѣмъ отъ свободы печати, потому что эта свобода все равно вернетъ всѣ остальные».

Огромное распространеніе газетъ, летучихъ листовъ и другихъ изданій сильно сокращаетъ роль свободы устнаго слова, которая раньше была очень велика. Теперь она почти покрывается свободой собраній.

Свобода собраній есть требованіе политически

вполнѣ зрѣлаго народа. Достаточно сказать, что даже въ Англіи до конца XVII вѣка это требованіе не предъявлялось. Народъ совершившій въ теченіи какихъ-нибудь пятидесяти лѣтъ двѣ революціи, все время живо интересовавшійся политикою, не ощущалъ необходимости въ свободѣ собраній. Главный смыслъ этого требованія есть обезпеченіе безпрепятственной пропаганды, политической, общественной, религіозной и проч.; если народъ его не предъявляетъ, значитъ въ руководящемъ обществѣ царитъ сознаніе, что большинство народа не созрѣло для пропаганды. Наоборотъ, когда за это требованіе начинаютъ ожесточенную борьбу, какъ это было въ той же Англіи съ 60-хъ годовъ XVIII вѣка, то это является признакомъ наступленія зрѣлости. Правительство очень неохотно соглашается уступить обществу въ этомъ вопросѣ; въ Англіи оно трижды издавало законы, запрещающіе митинги, не разъ напускало войска на мирно собравшихся гражданъ. Но всѣ усилія его оказались въ концѣ концовъ бесполезны. Когда въ 1812 году истекъ срокъ послѣднему закону о «мятежныхъ собраніяхъ», его не возобновили, и съ тѣхъ поръ въ Англіи царитъ полная свобода сходовъ. Эта свобода, правда, не гарантирована никакимъ особымъ постановленіемъ, а основывается просто на отсутствіи законовъ, запрещающихъ англійскимъ гражданамъ общеніе другъ съ дру-

гомъ. Недовѣрчивое отношеніе государства къ публичнымъ митингамъ обусловливается страхомъ передъ измѣнчивымъ настроеніемъ толпы, особенно большой толпы, собирающейся подъ открытымъ небомъ. Правительства изъ опыта знаютъ, что такія собранія нерѣдко кончались бунтомъ, призывомъ къ возстанію. Поэтому даже въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ господствуетъ наиболѣе полная свобода собраній, правительство оставляетъ за собою право принять мѣры къ его прекращенію, если оно утрачиваетъ мирный характеръ. Изъ европейскихъ континентальныхъ государствъ большинство разрѣшаетъ только собраніе безоружныхъ людей въ закрытомъ помѣщеніи; южноамериканскія конституціи большею частью не заключаютъ въ себѣ второго ограниченія, т. е. дозволяютъ собранія и подъ открытымъ небомъ.

Отъ свободы собраній нужно отличать свободу союзовъ, или ассоціацій. Свобода ассоціацій, какъ одно изъ правъ общественной свободы, ограничивается союзами, преслѣдующими общественную или политическую цѣль. Ассоціаціи благотворительнаго, просвѣтительнаго или хозяйственнаго характера подлежатъ дѣйствію гражданскаго, торговаго или административнаго права. Государственная власть и къ союзамъ относится съ такимъ же недоуверіемъ, какъ и къ собраніямъ.

Чѣмъ же объясняется страхъ передъ союзами

и недовѣріе къ нимъ? Когда бояться большихъ собраній подъ открытымъ небомъ, это еще можно понять при нѣкоторыхъ усиліяхъ. За настроеніемъ толпы не услѣдишь. Первый горячій призывъ можетъ бросить ее мятежнымъ неудержимымъ потокомъ противъ общественнаго порядка. Но мирные союзы, собирающіеся часто, имѣющіе бюро, заранѣе извѣстную цѣль—чѣмъ они могутъ быть опасны? Для того, чтобы понять это, нужно припомнить слегка исторію. Когда французское Учредительное Собраніе 1789 года составляло свою Декларацію правъ, оно умышленно выпустило изъ каталога правъ человѣка и гражданина свободу союзовъ. Сдѣлало оно это потому, что боялось, какъ бы принципомъ свободы ассоціаціи не воспользовались цехи и привилегированныя корпораціи, осужденныя на отмѣну. До февраля 1848 года такъ о свободѣ союзовъ и не заговаривали. Однимъ изъ первыхъ декретовъ временнаго правительства 1848 года было обезпеченіе этой свободы. Въ этомъ оно уступило требованію рабочихъ. Но какъ только реакція усилилась настолько, что рабочіе перестали быть страшны, свобода союзовъ снова была отмѣнена, уже въ іюль того же года.

Съ тѣхъ поръ на этомъ требованіи легла печать революціи, которая долго пугала правительства европейскаго континента, а когда красный призракъ сталъ терять свою устраша-

ющую силу, государству стало казаться, что, уступая союзамъ полную свободу, оно подрываетъ собственное могущество, ибо дѣятельность союзовъ можетъ пойти въ разрѣзъ съ его, государства, цѣлями. Это и является причиною неполноты свободы союзовъ въ современномъ государствѣ. Напримѣръ, Швейцарская конституція 1874 года, одна изъ самыхъ либеральныхъ, обезпечиваетъ свободу ассоціаціи съ оговорками. Вотъ что гласитъ ст. 56: «Граждане имѣютъ право составлять ассоціаціи, при условіи, чтобы въ цѣляхъ этихъ ассоціацій и въ употребляемыхъ ими средствахъ не было ничего противозаконнаго или опаснаго для государства. Кантональные законы устанавливають мѣры, необходимыя для борьбы съ злоупотребленіями». Подобныя же ограниченія существуютъ и въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Англіи. Что касается другихъ государствъ, то тамъ законодательства о свободѣ союзовъ до послѣдняго времени поражали своимъ несовершенствомъ. Въ Германіи и Франціи, двухъ самыхъ культурныхъ государствахъ европейскаго континента, удовлетворительные законы объ ассоціаціяхъ появились на нашихъ глазахъ. Въ Германіи только въ 1899 году изданъ законъ, гласящій: «Союзы всякаго рода, существующіе въ предѣлахъ имперіи, имѣютъ право вступать между собою въ связь». Это, правда, не очень много, но хорошо и то, что благодаря этому закону

союзы получили возможность вступать между собою въ переписку, объединяться, устраивать федераціи, открывать отдѣленія и т. д. Но къ сожалѣнію благотворное дѣйствіе имперскаго закона 11 дек. 1899 года парализуется тѣмъ, что въ отдѣльныхъ государствахъ, особенно въ Пруссіи, сохраняется еще довольно много ограниченій свободы союзовъ. Что касается Франціи, то тамъ лишь въ іюлѣ 1901 года изданъ законъ, разрѣшающій свободное образованіе ассоціацій *).

Ясно сказывающіяся во всемъ этомъ законодательствѣ опасенія государства едва ли основательны. Больше того, въ культурномъ государствѣ развитіе ассоціацій такъ же желательно, какъ и распространеніе прессы. По самому своему устройству государство лишено возможности собственными средствами разрѣшать всѣ культурныя и экономическія задачи. Часть ихъ она вынуждена уступить свободнымъ общественнымъ силамъ: мѣстнымъ автономнымъ единицамъ (земствамъ, городскимъ управленіямъ) и проч. И вотъ при организаціи общественныхъ

*) Оставлено въ силѣ и вполнѣ основательно ограниченіе свободы для религіозныхъ конгрегацій іезуитскихъ и другихъ, этихъ очаговъ челоѣконенавистнической пропаганды и мракобѣсія. Видѣть въ этомъ какую-нибудь непослѣдовательность могутъ только доктринеры шаблоннаго либерализма. Государство, которое налагаетъ узду на такую силу, которая всегда пускалась въ ходъ противъ свободы и лучшихъ общественныхъ идеаловъ, исполняетъ только правильно понятый долгъ.

силъ для цѣлей культурной и экономической дѣятельности въ свободной ассоціаціи западное общество нашло лучшее орудіе. Тамъ, гдѣ государство утратило страхъ передъ ассоціаціей, оно пожинаетъ плоды своей разумной политики. Общественныя организаціи, работающія на мѣстѣ, хорошо исполняютъ тѣ задачи, которыя агенты государства, плохо знакомые съ условіями, исполняли бы хуже. Но это не единственное преимущество ассоціаціи. Если она можетъ оказать существенную помощь государству, то и съ точки зрѣнія личныхъ правъ она имѣетъ большую цѣнность. Во-первыхъ, въ ассоціаціи гражданинъ культурнаго государства привыкаетъ къ общественной аренѣ. Ассоціаціи для него служатъ политической школою. Во-вторыхъ, когда гражданинъ сталкивается съ государствомъ, ему легче отстаивать права, если онъ можетъ противопоставить государству организованную силу союза, членомъ котораго онъ состоитъ, чѣмъ если онъ дѣйствуетъ, какъ отдѣльное лицо.

Къ числу публичныхъ правъ гражданъ относятся иногда еще право петицій и право стачекъ. Правда, и то и другое признается конституціоннымъ государствомъ. Но мы ихъ опустили по слѣдующимъ соображеніямъ. Право петицій скорѣе нужно отнести къ политическимъ, чѣмъ къ публичнымъ (различіе между ними будетъ объяснено ниже). Къ тому же оно

въ современномъ обществѣ утратило въ значительной степени свой смыслъ вслѣдствіе громадности. То, что прежде дѣлалось съ помощью петицій, теперь легче и проще дѣлается путемъ печати. Что касается права стачекъ, то оно не можетъ быть причислено къ правамъ общественной свободы. Въ собственномъ смыслѣ (если не причислять къ стачкамъ общественныхъ и политическихъ забастовокъ) стачки являются орудіемъ борьбы одного только класса, рабочихъ, между тѣмъ особенностью публичныхъ правъ человѣка является то, что ими пользуются всѣ граждане безъ различія классовъ.

Мы перечислили такимъ образомъ всѣ права личной и общественной свободы. Теперь мы знаемъ, какую область публичной дѣятельности гражданъ государство соглашается считать для себя недоступной. Въ разсмотрѣніи сущности правъ какъ личной, такъ и общественной свободы выясняется, намъ кажется, одно: чѣмъ строже государство соблюдаетъ свое обязательство о невторженіи въ заповѣдную область гражданской свободы, тѣмъ больше выигрываетъ оно само. Общественныя функціи распределяются правильнѣе, не нарушается нормальная общественная жизнь, прекращаются поводы для вражды отдѣльныхъ лицъ и общественныхъ группъ съ государствомъ. Политическая жизнь въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ прибли-

жается къ этому идеальному порядку, и если тамъ происходятъ нарушенія правильнаго теченія жизни, то по большей части причины этому слѣдуетъ искать въ фактахъ не политическихъ, а соціальныхъ и экономическихъ.

Къ сожалѣнію, далеко не вездѣ государство стоитъ на только что изложенной точкѣ зрѣнія, и въ большинствѣ случаевъ публичныя права гражданъ приходится защищать отъ возможныхъ посягательствъ государства или его агентовъ. Наиболѣе обычнымъ средствомъ защиты является включеніе всей суммы публичныхъ правъ гражданина въ конституціонный актъ. Права гражданъ находятъ себѣ защиту въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ конституцій *). Такіе отдѣлы принимаютъ видъ или декларацій правъ, или гарантій правъ. Деклараціи правъ приобрѣли популярность въ законодательствѣ послѣ знаменитой французской деклараціи 1789 года, выработанной революціоннымъ учредительнымъ собраніемъ, но въ послѣднее время выходятъ изъ употребленія. Разница между тѣмъ и другимъ видомъ обезпеченія правъ личной и общественной свободы заключается въ

*) Только двѣ конституціи—французская 1875 и германской имперіи 1871 года—не включаютъ въ себѣ этихъ отдѣловъ, но это не есть доказательство ненужности ихъ, ибо въ Германіи всѣ такія постановленія имѣются въ конституціяхъ отдѣльныхъ государствъ, а во Франціи конституція 1875 года заключаетъ только техническія нормы, необходимыя для обезпеченія правильнаго хода правительственной машины.

томъ, что деклараціи провозглашаютъ то или иное положеніе въ видѣ отвлеченной формулы, а въ гарантіяхъ то же положеніе выражено въ видѣ положительной юридической нормы. Въ настоящее время на практикѣ это различіе теряетъ свое значеніе; въ современныхъ конституціяхъ постановленія той и другой категоріи часто стоятъ рядомъ.

Когда политическая жизнь въ странѣ вошла въ правильную колею, то обыкновенно права гражданъ бываютъ достаточно защищены тѣмъ, что въ конституцію включены деклараціи или гарантіи правъ. Но исторія знаетъ факты, когда такой защиты оказывалось недостаточно. Въ Пруссіи, напримѣръ, конституція 1850 года, изданная въ тотъ моментъ, когда реакція только что справилась съ революціоннымъ движеніемъ, содержитъ въ себѣ гарантіи правъ. Но это обстоятельство не помѣшало полицейскому разгулу пятидесятихъ годовъ, когда фактически перестали уважаться самыя элементарныя права личности. Примѣръ Пруссіи, къ сожалѣнію, не единичный. Всѣ подобныя явленія указываютъ на то, что самую конституцію нужно защищать тѣмъ или инымъ способомъ. Такіе способы существуютъ въ Англіи, гдѣ нѣтъ писанной конституціи; тамъ лицо, находящееся неправильнымъ въ этихъ случаяхъ дѣйствія правительства по отношенію къ себѣ, можетъ обратиться къ самому обыкновенному судѣ, и если судъ при-

знаеть, что данное дѣйствіе противорѣчить закону или обычаю, правительство должно уступить. Въ Соединенныхъ Штатахъ установилась другая практика. Если Конгрессъ или законодательныя учрежденія отдѣльныхъ Штатовъ издають законъ, который ограничиваетъ такъ или иначе свободу гражданина, заинтересованное лицо немедленно подаетъ въ верховный федеральный судъ, или въ суды ему подчиненные искъ о признаніи закона противнымъ конституціи. Если судъ согласится съ нимъ, законъ не примѣняется ни въ данномъ, ни въ другомъ случаѣ.

Такимъ образомъ, лучшая защита правъ личной и общественной свободы, такъ же какъ и другихъ постановленій конституціоннаго акта — независимые суды. Но, къ сожалѣнію, далеко не вездѣ суды призваны играть политическую роль. Если въ странѣ не имѣется соответствующей судебной организаціи, то роль судовъ можетъ исполнять только само общество. Общество должно быть всегда готово защищать свои политическія права отъ враждебныхъ замысловъ всякихъ авантюристовъ, появляющихся отъ времени до времени во главѣ правительствъ.

Гарантіи правъ при нормальныхъ условіяхъ существуютъ, конечно, непрерывно, но конституціонному государству случается переживать моменты, когда во имя высшихъ интересовъ приостанавливается дѣйствіе конституціонныхъ

гарантій, въ томъ числѣ правъ личной и общественной свободы. Это — такъ называемая приостановка *habeas corpus acta* въ Англии и Соединенныхъ Штатахъ и осадное положеніе на европейскомъ континентѣ.

Въ этихъ случаяхъ, слѣдовательно, какъ-бы возстановливается неограниченная власть. Такъ, кто поставленъ во главѣ ея, получаетъ право дѣйствовать такъ, какъ ему предоставляется необходимымъ. — Но даже эти исключительные періоды въ жизни конституціоннаго государства не могутъ быть сопоставлены съ режимомъ абсолютизма. Во-первыхъ, и диктаторъ и исполнители его воли — люди воспитанные на конституціонныхъ гарантіяхъ и не имѣютъ поведеній безотвѣтственныхъ чиновниковъ. Если имъ приходится преступать заповѣдную грань свободы, то они это дѣлаютъ съ осторожностью. Они хорошо знаютъ, что исключительные законы господствуютъ временно, что скоро воцарится нормальный порядокъ, и имъ не забудутъ ни одного акта произвола. Наконецъ, помимо всего прочаго обыкновенно законъ опредѣляетъ тѣ случаи, когда такія изыятія могутъ быть допущены. Конституціи Соединенныхъ Штатовъ, напр. (ст. I отд. 9. § 2) разрѣшаютъ это только въ томъ случаѣ, «если того требуетъ общественная безопасность во время мятежа или нашествія».

Таковы права личной и общественной сво-

боды, ихъ называютъ иногда, какъ мы видѣли, публичными правами, въ противоположность политическимъ, которыя опредѣляютъ активное участіе гражданъ въ законодательствѣ и управленіи. Къ послѣднимъ относится право выбирать депутатовъ, право засѣдать въ парламентѣ со всѣми проистекающими отсюда полномочіями, право занимать государственныя должности и проч. Мы ихъ не будемъ разбирать подробно, потому что главной нашей задачей была характеристика публичныхъ, а не политическихъ правъ.

IV.

Въ заключеніе упомянемъ только о томъ, какія обязанности передъ государствомъ принимаютъ на себя граждане. Чтобы государство могло существовать, ему необходимы, во-первыхъ, большія денежные средства; эти денежные средства въ видѣ налоговъ и податей выплачиваютъ граждане. Но въ конституціонномъ государствѣ уплата налоговъ ставится въ зависимость отъ двухъ условій. Размѣръ ихъ опредѣляется представителями народа и они же слѣдятъ за расходованіемъ добытыхъ такимъ образомъ денегъ. Исполнительная власть въ лицѣ министра финансовъ представляетъ парламенту смѣту необходимыхъ расходовъ и свои предположенія относительно того, изъ какихъ источниковъ ихъ можно будетъ покрыть. Если парламентъ утверждаетъ представленную ему роспись (бюджетъ), то министръ приступаетъ къ

ея исполненію и согласно ея указаніямъ раскладываетъ налоги.

Другая обязанность гражданъ, существующая въ большинствѣ конституціонныхъ государствъ—воинская повинность. Къ стыду культурнаго человѣчества оно до сихъ поръ не нашло другого способа разрѣшать международные споры, какъ обращаться къ мечу. Давно уже предлагается устройство международныхъ третейскихъ судовъ и другихъ подобныхъ же организацій, но все напрасно. Традиціи кулачнаго права еще слишкомъ сильны и разумной дѣятельности не довѣряютъ тамъ, гдѣ считаютъ необходимымъ представлять дѣло грубой силѣ. Пока въ человѣчествѣ господствуетъ этотъ взглядъ, всѣ государства должны содержать военную силу. Однако, и въ вопросѣ о воинской повинности въ конституціонныхъ государствахъ правительство не можетъ распоряжаться безконтрольно.

Когда при разсмотрѣніи въ парламентѣ смѣты расходовъ дѣло доходитъ до ассигновокъ на военные нужды, то народные представители особенно внимательно обсуждаютъ каждую статью и тщательно провѣряютъ вопросъ о необходимости новыхъ издержекъ. И это понятно, потому что снаряженіе арміи и флота поглощаетъ очень значительную часть бюджета. Такъ какъ правительство безъ соотвѣтствующихъ ассигновокъ не можетъ увеличивать ни

сухопутныхъ, ни морскихъ силъ, то въ результатѣ оказывается, что въ конституціонномъ государствѣ народъ черезъ своихъ представителей регулируетъ и воинскую повинность. Иначе говоря, народъ признаетъ за собою обязанность идти на военную службу, поскольку необходимость этого сознается его представителями.

Таковы въ главномъ права и обязанности гражданъ, поскольку дѣло ограничивается отношеніемъ между ними и государствомъ. Если эти права не всюду осуществляются безъ ограниченій и если эти обязанности не всегда распределяются, согласно справедливости, то причина этому лежитъ въ томъ, что современное культурное конституціонное государство продолжаетъ оставаться классовымъ государствомъ. Господствующимъ элементомъ въ немъ являются имущіе классы, которые и распределяютъ между всѣмъ населеніемъ права и обязанности. Но исторія учитъ насъ тому, что общественная эволюція совершается въ сторону демократизма, и чѣмъ дальше будетъ она подвигаться, тѣмъ больше будутъ проникать идеи справедливости въ политическія отношенія.

Книгоиздательство „ТРУДЪ и ВОЛЯ“

(Редакція В. Ю. Уманскаго).

цѣна.

- В. М. Хвостовъ.* Права и значеніе народнаго
представительства. 8 к.
- Г. Закъ.* Смертная казнь 10 »
- А. Николаевъ.* Для чего нужно всеобщее обу-
ченіе. 10 »
- Н. Ивановъ.* Изъ русской старины: Бунтъ
Стеньки Разина 8 »
- А. К. Дживелеговъ.* Права и обязанности гра-
жданъ.
- Н. Е. Кудринъ.* Какъ организовать выборы? 3 »
- Л. Гинсбургъ.* Евреи въ Россіи.
- Г. Закъ.* Лассаль и его время 8 »
- А. Николаевъ.* Интеллигенція и народъ.
- Д. Гремяченскій.* Какъ составляются законы.
- В. Львовъ-Рогачевскій.* Печать и цензура.
- А. Житковъ.* О налогахъ. 6 »
- В. О.* Государственное обложеніе въ Россіи.
- В. У.* Какіе намъ нужны порядки?

Складъ изданій „Трудъ и Воля“ въ книжномъ магазинѣ
Д. П. Ефимова. Москва, Моховая ул., д. Бенкендорфъ.

Книгоиздательство „ТРУДЪ и ВОЛЯ“

(Редакція В. Ю. Уманскаго).

	цѣна.
<i>В. М. Хвостовъ.</i> Права и значеніе народнаго представительства.	8 к.
<i>Г. Закъ.</i> Смертная казнь	10 »
<i>А. Николаевъ.</i> Для чего нужно всеобщее обученіе.	10 »
<i>Н. Ивановъ.</i> Изъ русской старины: Бунтъ Стеньки Разина	8 »
<i>А. К. Дживелеговъ.</i> Права и обязанности гражданъ.	
<i>Н. Е. Кудринъ.</i> Какъ организовать выборы?	3 »
<i>Л. Гинзбургъ.</i> Евреи въ Россіи.	
<i>Г. Закъ.</i> Лассаль и его время.	8 »
<i>А. Николаевъ.</i> Интеллигенція и народъ.	
<i>Д. Гремяченскій.</i> Какъ составляются законы	
<i>В. Львовъ-Рогачевскій.</i> Печать и цензура.	
<i>А. Житковъ.</i> О налогахъ.	6 »
<i>В. О.</i> Государственное обложеніе въ Россіи.	
<i>В. У.</i> Какіе намъ нужны порядки?	

Складъ изданій „Трудъ и Воля“ въ книжномъ магазинѣ
Д. П. Ефимова. Москва, Моховая ул., д. Бенкендорфъ.